

ЯЗЫКОВАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

**Мария Алексеевна Романова,
Людмила Семеновна Филиппова**

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В РЕЧИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОРОДА ТЮМЕНИ

В статье анализируются ошибки в образовании именных и глагольных форм, возникающие в речи тюменской интеллигенции под влиянием диалектного окружения. Материалы статьи могут быть использованы при характеристике локальных разновидностей литературного употребления грамматических форм.

У Известно, что в последнее время вопросы нормализации языка приобрели большое общественное значение, приняли характер борьбы за повышение культуры речи. В связи с ростом языковой культуры русский литературный язык в значительной степени освободился от диалектного воздействия, наметилась общая тенденция к выравниванию территориальных языковых различий. Но, несмотря на это, и в наше время можно говорить о влиянии диалектов на литературный язык, о несомненном существовании территориальных разновидностей литературного языка. Проблема регионального варьирования решается на основе конкретных исследований.

В данной статье мы укажем на некоторые морфологические диалектные черты в системе имен существительных и глагола в речи тюменской интеллигенции.

Фактический материал был записан от лиц с высшим и средним образованием, владеющих нормами литературного языка. Большая часть наших информантов родилась и выросла в г. Тюмени, их родители и прародители происходят из близлежащих районов (Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского, Исетского) Тюменской области. Все информанты принадлежат к одной возрастной группе (40–65 лет).

1. Вначале остановимся на отражении диалектных черт в системе склонения имен существительных.

1.1. Наблюдаются колебания в роде некоторых существительных. Много случаев изменения рода в словах иноязычного происхождения: МЕТРА (длины одна метра, одну метру отрежьте), ЛИТРА (литра молока, с литру купила подсолнечного масла), КЕДРА (сибирская кедра, на высокую кедру), ПОВИДЛА (яблочная повидла продается).

Некоторые существительные, являющиеся в литературном языке словами жен. рода, в речи наших информантов имеют форму ср. рода: красное МАТЕРЬЕ, крепкова МАТЕРЬЯ; растопи БЕРЁСТОМ.

В речи отдельных информантов слово «путь» — жен. рода: вон где ПУТЬ ПРОШЛА, ПУТЬ ОЧИЩЕНА, ДВЕ ПУТИ открылись. Существительное «обувь» в речи тюменской интеллигенции муж. рода: ТЁПЛЫЙ ОБУВЬ, КОЖАНОВА ОБУВЯ.

В говоре окружающих деревень представлены все три рода имен существительных, но встречаются случаи несовпадения принадлежности слов к тому или иному роду: мЕтра, лИтра, кЕдра, повИдла, свИтра, царИзьма, комОда; пАужна, Ужына и Ужна, зАработка; дОброй Обуй, хорОша пУть; матЕрйо, берЁсто, кОлоколо, дернО, коноплЁ (повсем.).

Отклонения от общих правил родовой характеристики существительных, обнаруживающиеся в тюменских говорах, связаны или с переработкой сочетаний (тр, др, рн), несвойственных русскому языку в конце слова [Обнорский 1927: 33–34, 18], или сохранением древней формы (Ужына) [Обнорский 1927: 36]. Колебания рода в существительных «обувь», «путь» объясняются тем, что «исходные формы существительных женского рода на мягкий согласный (с нулевым окончанием) и существительные мужского рода на мягкий согласный совпадают» [Светлова 1960: 23]. Указанные случаи расхождения рода существительных с родом существительных в литературном языке подчеркивают, что категория рода в русском языке является в основном формально-грамматической категорией.

1.2. Приведем примеры наиболее распространенных речевых ошибок диалектного характера в системе падежных форм имен существительных в ед. числе.

а) Наблюдаются ошибки в употреблении одушевленных существительных муж. рода с суффиксами -ИШК-, -УШК-: хорошева *сынишка* вырастили, скоро *дедушкой* будете, своево *братишка* повидал.

В старожильческих говорах Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского и Исетского районов существительные типа «мальчишка», «дедушка» в связи с фонетическим явлением оканья оканчиваются на -о в исходной форме (дЕдушко, мальчИшко и под.) и изменяются по II склонению (как дЕло): у дЕдушка, к мальчИшку, г бАтюшку, ковдА увИжу парнИшка, з дЕдушком, с парнИшком, з бАтюшкой и под.

б) В литературном языке «активное падение употребительности форм на -у, близкое к завершению в деловой и газетной речи, происходит теперь и в устной» [Граудина и др. 1976: 122]. У наших же информантов очень часто наблюдается употребление окончания -у там, где в литературном языке имеется -а: род. пад. — запах *дыму*, из *саду* выбежал, из *дому пионеров*, он получил со *складу*, из-под *полу* дует, из *плону* бежал; предл. пад. — в своем *дому*, деревня на *тракту*, на *дому* снег убирал. В речи тюменской интеллигенции форма на -у употребляется и с определением: ГОРЯЧЕВА ЧАЮ, ГОРЬКОВА ПЕРЦУ, ХОЛОДНОВА КВАСУ и под.

В тюменском диалекте варианты окончания -У, -у (ударное и безударное) получили широкое распространение. Например: с востОку, ис сельсовЕту, до колхОзу, с сИверу; на островУ, ф клубУ, на трахтУ, в мисесУ и под. [Романова, Светлова, Лецкий 1971: 29].

в) Существительные ср. рода на -МЯ типа «время» в косвенных падежах в речи информантов могут употребляться без -ЕН-: два *имя*, подошли к *знамя*, *время* не осталось, к тому *время*. Особенно часты подобные речевые ошибки при склонении существительного «время» — в вопросительной конструкции «сколько *время?*».

В окающих старожильческих говорах близлежащих районов (Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского, Исетского) существительные на -МЁ (в соответствии с -МЯ) утратили в ед. числе суффикс -ЕН- и уподобились в склонении существительным ср. рода на -о (сИмё, из вЫмя, к тИмю, по Имю, со врЕмём и под.). Так же изменились формы слова «дитя»: дитЁ, у дитЯ, г дитЮ, по дитЁ, з дитЁм (повсем.) [Романова, Светлова, Лецкий 1971: 28].

Ср. в речи образованных носителей языка г. Тюмени: вечером-то *дитё* забираю из садика, такому *дитю* ничем не угодишь, с одним *дитём* не можем справиться.

г) Для речи тюменской интеллигенции характерно включение заимствований типа КИНО, ПАЛЬТО в систему склонения имен существительных ср. рода: по телевизору сегодня нет *кина*: к *пальту* пуговку-то пришей, по *радиу* передавали, к этому *трику* шапочка идёт; за *депом* и собирались все; в каком *кине* играл этот артист, все в *трике* на физкультуре-то.

Ср. в говорах Тюменского Зауралья: кинА, ис сельпА, с кинОм, в рАдиве и под. «Парадигматической системе говоров, — пишет О. Н. Киселева, — неизвестно явление несклоняемости. Все несклоняемые в литературном языке слова поступают в распоряжение диалектной системы склонения существительных» [Киселева 1968: 8].

Следует подчеркнуть, что процесс перегруппировки типов склонения по родовому принципу в ед. числе в окающих старожильческих говорах указанных районов пошел гораздо дальше, чем в литературном языке. Так, второе склонение в тюменском диалекте синтезировало все имена существительные ср. рода и подавляющее большинство имен существительных муж. рода, включая и все те группы слов, которые стоят особняком в литературном языке (существительные ср. рода на -МЯ, слово «дитя», несклоняемые существительные, одушевленные существительные муж. рода с суффиксами -УШК-, -ИШК-).

1. 3. Имеющиеся материалы позволяют выделить в речи информантов ошибки диалектного характера в системе падежных форм имен существительных во мн. числе.

а) В им. пад. мн. числа имен существительных муж. рода окончание -А неправомерно переносится на слова с неподвижным ударением: ВЫБОРА, ВОЛОСА, ТОРТА, ШОФЕРА, МЕСЯЦА, БУХГАЛТЕРА, ЛЕКАРЯ, ИНЖЕНЕРА, КОНЮХА, ПОРТА, ЛЕКТОРА, КОМПРЕССОРА, КОНСТРУКТОРА.

Ср. широкое распространение окончания -А в формах им. пад. мн. числа от существительных муж. рода в старожильческих говорах Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского и Исетского районов: мостА, кустА, пахарЯ, низА, полА, кругА, выходА, карнизА и под.; ср. также: славЯна, татАра, кресйАна, северЯна. Конечно, влияет на распространение флексии -а, кроме диалектов, сфера профессионального языка и просторечия.

б) Распространенной речевой ошибкой диалектного характера является употребление окончания -ов (-ев) в род. пад. мн. числа существительных, имеющих нулевое окнчание в литературном языке: САПОГОВ, ЧУЛКОВ, ВАЛЕНКОВ, КЛЕЙМОВ, БЛЮДЦЕВ, МЕЖДУГОРЬЕВ, ЩУПАЛЬЦЕВ. Ср. повсеместное употребление форм на -ов (-ев), в соответствии с нулевой флексией в нормированном языке, в тюменском диалекте: чулкОф, волосОф, сапогОф, солдАтоф, партизАноф; сресвОф, зеркалОф, йАблокоф, озЁроф, болОтоф, хозЯйсвоф, чУсвоф, назвАнйоф и назвАньнёф.

в) В речи тюменской интеллигенции последовательно употребляется окончание -ами (-ями) во всех существительных жен. рода мн. числа творит. падежа: не только дверЯми, плетЯми, костЯми, дочерЯми, но и ЛОШАДЯМИ, а также ЛЮДЯМИ, ДЕТЯМИ. Здесь также можно видеть влияние и окружающих диалектов [Романова и др. 1971: 31], и просторечия.

2. Отметим случаи нарушения грамматических норм литературного языка в речи интеллигенции г. Тюмени в системе глагольных форм.

2.1. Наблюдается отсутствие супплетивизма при образовании видовых пар глаголов «ловить–поймать», «класть–положить»: *имай* птичку, сынок; весь день *имал* бабочек на даче; вот сюда *ложу* книгу-то; куда хоть они *ложат* квитанции; *ложи* всё на стол и *ложь* хлеб в сумку. Ср. в говорах Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского и Исетского районов: кОшка-та имАть мышЕй убежАла; с утрА имАт овЕчёк — стрИкчи нАдо; нАдо лОжить на однО место; ты лОжила судЫ мЫло?; ложЫ йемЯ побОле сАла и под. Как видим, употребление бесприставочного глагола ЛОЖИТЬ в речи городской интеллигенции — это тоже отражение диалектной черты тюменских говоров [Романова и др. 1971: 36].

2.2. Встретилось в речи носителей литературного языка образование форм настоящего времени глаголов «хромать» и «чихать» без сохранения суффикса -а- в основе: ты всё ещё *храмлешь*; идёт так *храмлет*; *чишу* второй день — болею; мы и так все *чишем* (ср. лит.: хромаешь, чихаю, чихаем).

В тюменских говорах сохраняется архаический тип основы настоящего времени, оформленный по непродуктивной словообразовательной модели (с чередованием м//мл' и ч'//ш): храмлЮ, дак ковО йА урОблю на покОсе-то; хрАмлеш, а ф клУп итьтИ нАдо; она уж два гОда как хрАмлёт; опЕть чишУ — грЫишо поймАла; сидИш чИшош, и брЫзги лЕтят; вОн шкОльники фсЕ чИшут [Романова и др. 1971: 38].

2.3. В речи городской интеллигенции наблюдается употребление глаголов «надевать», «одевать», «поддевать» без суффикса -ва-. И у этих глаголов формы настоящего времени образуются по типу глаголов «давать». Основа настоящего времени оканчивается на Й: опять ту же кофту *надею*; хорошо ты свою дочь *одеёшь*; чем ты *поддеёшь* рыбу?; он ошибся, а вы его *поддеёте* (ср. лит.: надеваю, одеваешь, поддеваешь, поддеваете).

Указанные глаголы, принадлежащие в русском литературном языке к I продуктивному классу, относятся в старожильческих говорах Тюменского, Ярковского, Нижнетавдинского и Исетского районов к непродуктивной группе, которая характеризуется иным, чем в нормализованном языке, соотношением глагольных основ: тОлста стАла, дак йЕто плАтьтё-то не одеЙУ; нековО навЕрх не одеЙУт; одеЙУт на робЁнка пальтО, а онО бес пУгофки; где теплА поддейУт пот шУбу чЁ-ненабуть шерстенО.

2.4. В речи интеллигенции г. Тюмени отмечается отсутствие исторически закономерного чередования к//ч' и г//ж [Бернштейн 1974: 97] при употреблении личных форм от глаголов с основой на заднеязычный согласный: когда ты *извлекёшь* из этого урок; сухие ветки пусть *ссекёт*; что ты *толкёшь* одно и то же; каждую книгу он *берегёт*; машинка что-то не *стригёт*, на каждом шагу он *лгёт*; солнце-то как *жгёт*.

В старожильческих говорах указанных районов выступают основы на согласные Г, К в 1-м лице ед. числа и 3-м лице мн. числа, чередующиеся с г', к' в остальных личных формах: толкУ, толкЁш, толкЁт, толкЁм, толкЁте и толкитЕ, толкУт; пекУ, пекЁш, пекЁт, пекЁм, пекЁте и пекитЕ, пекУт; берегУ, берегЁш, берегЁт, берегЁм, берегЁте и берегитЕ, берегУт; стригУ, стригЁшь, стригЁт, стригЁте и стригитЕ, стригУт и под. Данная морфологическая особенность свойственна большинству говоров южных районов Тюменской области [Жовтобрюх 1958: 152, 10; Романова и др. 1971: 38]. «Типичные тюменские говоры, — пишет М. А. Жовтобрюх, — не знают изменения Г, К в Ж, Ч в конце основы перед личными окончаниями глаголов первого спряжения» [Жовтобрюх 1958: 152].

Мягкие заднеязычные перед окончанием 2-го и 3-го лица ед. числа наблюдаются в говорах Западной и Восточной Сибири [Колобова 1972: 71; Любимова 1969: 21]. «Повсюду в Сибири, — пишет П. Я. Черных, — глаголы с основой на

заднеязычный согласный употребляются в настоящем (и буд.) времени с мягким к, г: пекёт, текёт, берегём, стерегёте» [Черных 1953: 62]. С. П. Обнорский отмечает, что глагольные формы типа ПЕКЁТ, ЖГЁТ — «черта просторечия, в свою очередь взращенная на базе диалектного употребления данного типа форм, в частности в Московщине» [Обнорский 1953: 100].

Морфологическое выравнивание основ по первому лицу (пекУ — пекЁш, берегУ — берегЁш и под.) установилось вследствие влияния «характерной для всех диалектов русского языка системы спряжения глаголов с чередованием твердых и мягких согласных (веду — ведешь, несу — несешь ... и т. п.)» [Баранникова 1962: 658]. «У глаголов с основой наст. вр. (или буд. прост.) на заднеязычные к, г... — подчеркивает В. Н. Сидоров, — в личных формах обобщен тот же тип чередования согласных фонем, который представлен у глаголов с основой настоящего времени на твердую согласную, парную с мягкой» [Сидоров 1942: 6122]. Диалектные формы типа ПЕКУ — ПЕКЁШ, СТЕРЕГУ — СТЕРЕГЁШ, как отмечает Л. И. Баранникова, «не противоречат общей системе языка, а представляют лишь расширение действия одной из отчетливо выраженных тенденций в развитии языка» [Баранникова 1978: 374]. Таким образом, «диалектное чередование г,к//г,к' нашло себе поддержку и в аналогии других форм и в общей линии развития звуковых соотношений русского языка» [Баранникова 1962: 58].

Исследователи отмечают, что процесс подравнивания глагольных основ с сохранением заднеязычного согласного, известный разным типам русских говоров, «относится к сравнительно позднему времени» [Аванесов 1974: 279; Масыкина 1956: 8]. «Во всяком случае, — замечает С. Б. Бернштейн, — эти преобразования могли наступить только после того, как завершился фонетический процесс лабиовеляризации *e* после мягких согласных перед твердыми» [Бернштейн 1974: 104].

Медленное исчезновение данного диалектного явления объясняется «широким распространением старой системы спряжения данного типа глаголов, проникновением подобных форм и в городское просторечие» [Баранникова 1962: 58].

2.5. В речи интеллигенции г. Тюмени отмечается отражение диалектной черты в употреблении глагола «хотеть»: завтра *хочем* сходить на концерт и музыку послушать; куда *хочете* поступать?; они *хочут* к морю съездить.

В отличие от литературного языка, где глагол «хотеть» «в ед. ч. имеет флексии первого спряжения, а во мн. ч. — флексии второго спряжения» [Грамматика 1970: 411], в говорах Тюменского, Яркового, Нижнетавдинского и Исетского районов данный глагол не является разноспрягаемым — изменяется по I спряжению: хочУ, хОчёш, хОчёт, хОчём, хОчут. Причем архаическая парадигма глагола «хотеть» отмечается в речи лиц всех возрастных групп носителей говора. Сохранение основы ХОЧ- во всех личных формах глагола свойственно многим старожильческим говорам Сибири [Гриб 1960: 279; Киселева 1968: 12; Любимова 1969: 21]. «Не имеет разноспрягаемости» данный глагол (хочУ — хОчем, хОчите, хОчут) и в ряде других говоров южных районов Тюменской области [Жовтобрюх 1958: 151].

2.6. В речи городской интеллигенции наблюдаются случаи употребления формы прошедшего времени муж. рода от глагола «трясти» и производных от него с гласным [’о]: *трёс* солону на свадьбе — ездил в деревню; опять *натрёс* крупы, мешок-то был дырявый; дерево *потрёс*, так сколько яблок спелых навалилось. Ср. в говорах указанных районов: одейАло трЁс от пыЛи; мушнОй мешОк потрЁс; натрЁс в ызбЕ сОру; ф картОшку ребИновых лИсьсёф натрЁс, штОп не гнилА. По аналогии с чередованием Е и ’О в формах глаголов типа «нести» (несУ, неслА, неслИ — нЁс) фонема [’о] стала произноситься и в форме прошедшего времени глагола «трясти» и производных от него: трестИ,

тресУ, треслаА, треслиИ — трёс; потресУ, потреслаА, потреслиИ — потрёс; натресТИ — натресУ, натреслаА, натреслиИ — натрёс. Ср. аналогичное явление в формах ЗАПРЕКЧИ — ЗАПРЁК, распространенных в тюменских говорах. На морфологическое происхождение гласной [’о] в форме ТРЁС в ряде говоров севернорусского наречия указывает А. А. Шахматов: «Нёс — несла неминуемо вызвало при тресла — трёс...» [Шахматов 1893: 241].

2. 7. В форме 2-го лица ед. числа возвратных глаголов настоящего — простого будущего времени (глаголов на -шься) в речи городской интеллигенции наблюдается двойное мягкое С: боисься выйти на улицу; почему так смеёсья громко?; часто ли с ней видисься? Такое произношение является нелитературным, основанным на особенностях тюменского диалекта, где в сочетании ШС’ наблюдается полная регрессивная ассимиляция (шс’>с’с’): садИсься, сойдЁсься, насмЕлисься, допрЫгасься, колОтисься, засмийОсься, провАлисься, уберЁсься, кАтисься и т. д. Это морфологизованное фонетическое явление, так как наблюдается в старожильческих говорах только в данной форме возвратных глаголов. Заметим, что в нормализованном языке в указанной форме ШС’ «не сливается в однородное звучание, причем предпочтительно твердое произношение [с]» [Аванесов 1972: 163]: в’Ид’ишьсь, нъс’ид’Ишьсь и под.

2. 8. В речи интеллигенции г. Тюмени отмечается и такая диалектная черта, как смещение ударения в кратких страдательных причастиях прошедшего времени на суффикс (с ориентацией на форму муж. рода): заплетЁна, обновлЁна, озеленЁна; облегчЁно, преподнесЁно, совмещЁно; награждЁны, обожжЁны (ср. лит. заплетенаА, обновленаА, озелененаА; облегченО, преподнесенО, совмещенО; награжденЫ, обожженЫ).

Перенос ударения на суффикс -ен- в кратких страдательных причастиях прошедшего времени — характерная черта окающих старожильческих говоров указанных районов: изба у йИх побелЁна, вода фсЯ отравлЁна, косА заплетЁна, шшокА была обожжОна; товАроф-то скоОль навезЁно, нА зиму фсевО запасЁно, тАк у нАз заведЁно; машЫны-то кАк нагружОны, куда дрова-те свалЁны, крушкиИ сплетЁны, онЕ судЫ бЫли переселЁны, вЕшшы фсЕ перевезЁны, сЕти сплетЁны и под. Данное явление свойственно и другим старожильческим говорам Сибири [Гриб 1960: 280].

Рассмотренный материал показывает, что многие ошибки в образовании именных и глагольных форм в речи интеллигенции г. Тюмени возникают в условиях диалектного окружения, когда живые процессы в меньшей степени подвержены сдерживающему влиянию норм литературного языка.

Дальнейшее изучение речи образованных носителей языка, жителей г. Тюмени, в том числе представителей младшего поколения, может способствовать решению сложной проблемы — характеристике локальных разновидностей литературного употребления грамматических форм, образование которых происходит под влиянием морфологических систем диалектного окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.
2. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
3. Баранникова Л. И. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций (на материале русского языка) // Вопросы образования восточнославянских языков. М., 1962.
4. Баранникова Л. И. Русские диалекты и русская диалектология в советский период // Вопросы русского языкознания. Куйбышев, 1978.
5. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
7. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. К. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976.
8. Гриб Р. Т. Морфологические особенности сибирского трактового говора в западной части Красноярского края // Учен. зап. Красноярского гос. пед. ин-та. Т. XVI. Материалы

- 4-й сибирской зональной конференции кафедр русского языка. Красноярск, 1960.
9. Жовтобрюх М. А. Морфологические особенности зауральских говоров русского языка // Учен. зап. Черкасского гос. пед. ин-та. Т. XII. Серия историко-филологических наук. Вып. 4. Черкассы, 1958.
 10. Киселева О. Н. Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968.
 11. Колобова Э. А. О мягких заднебных согласных [г'], [к'] в говоре села Макарово Шилкинского района Читинской области // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. Барнаул, 1972.
 12. Любимова О. А. История и современное состояние мунгатского говора (фонетико-морфологический очерк): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969.
 13. Масякина В. В. Глаголы с основой на заднеязычный согласный в истории русского языка и его диалектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1956.
 14. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927.
 15. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
 16. Романова М. А. Некоторые суперсегментные диалектные явления в окающих старожильческих говорах Тюменской области // Русская речевая практика и литературная норма: Межвузовский науч. сб. Тюмень, 1981.
 17. Романова М. А., Светлова В. Н., Лецкий М. А. Русские говоры Зауралья. Тюмень, 1971.
 18. Светлова В. Н. Особенности форм существительных в некоторых говорах восточных районов Свердловской области // Учен. зап. Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. Вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960.
 19. Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской Мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.; Л., 1949.
 20. Черных П. Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1953.
 21. Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.

Николай Константинович Фролов

УРБАНОНИМИЯ ТЮМЕНИ КАК ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Цель статьи — предложить интерпретацию тюменской урбанонимии в ее диахронии и синхронии. Урбанонимия, будучи совокупностью наименований улиц, площадей, иных топографических внутригородских объектов, является подразделом топонимики, входящей в ономастическое целое. Названия городских объектов — это продукт народного языкового творчества. Урбанонимы возникают в исторических условиях формирования города на базе конкретного языка, исходя из адресной необходимости обозначать и выделять важные для населения объекты жизнедеятельности.

У Источником для статьи послужили «живые» фактические данные, в том числе функционирующие в настоящее время названия городских улиц, памятных мест в разговорном языке, а также списки названий улиц, предназначенные для работников почты за 1998–1990 гг. Этот синхронический именной фонд сопоставлен с адресными наименованиями, содержащимися в специально изданных для работников связи списках улиц, переулков, проездов и пр. за 1926, 1934 гг. Однако диахроническая картина эволюции реального перечня тюменских городских объектов была бы неполной без учета более ранних данных. В этой связи в наших руках оказались следующие источники, дающие относительно объективную хронологическую картину увеличения фонда урбанонимов:

1. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города. М., 1903.
2. Статистические сведения по городу Тюмени за 1810, 1835 гг. // ГАТО, ф. 311, опись 1, дела 73, 74, 69.
3. Тобольские епархиальные ведомости. 1820. № 7, 8.